

В деревне жили по старинке: вставали с первыми лучами солнца, а ложились, как только оно скрывалось за горизонтом. Большинство крестьянских семей экономили на масле для ламп, поэтому засыпали рано.

Едва сумерки сгустились над землей, как шумная деревушка погрузилась в тишину. Лишь изредка из дворов доносились отголоски чьих-то голосов, а на улицах уже не было ни души. Это была бедная, но по-своему уютная и живая деревня.

Уложив младших братьев, Е Цзюньшу тихо выскользнул из дома. Он стоял посреди двора, подставив лицо прохладному ночному ветру. Голова наконец прояснилась, и пришло время трезво оценить свое положение.

Он попал. В прямом смысле — переместился в другой мир.

В этом не было сомнений, но вот причина... Причина оставалась загадкой. В своей современной жизни Е Цзюньшу был обычным парнем: ни громких скандалов, ни великих драм. Родители погибли в аварии, когда он только стал совершеннолетним, и с тех пор он жил один, поддерживая с немногочисленной родней лишь формальные отношения по праздникам. Он был одинок, не страдал от разбитого сердца и не попадал в катастрофы. Просто уснул — и проснулся в другом мире, «помолодев» из двадцатилетнего успешного мужчины в двенадцатилетнего ученика.

Если бы сегодняшняя ночь не была таким суматошным, он бы, наверное, совершил парочку глупостей, чтобы проверить — не сон ли это. Но орава «маленьких репок», требующих заботы, просто не оставила ему времени на самокопание.

Только сейчас, в тишине, он смог задаться вопросом: почему он здесь?

Неужели его миссия — поднять на ноги этих детей?

Е Цзюньшу потер переносицу. Нет, так думать тоже не совсем верно. А что, если он всегда был «древним» Е Цзюньшу, просто в какой-то момент в его голове всплыли чужие воспоминания? Обе жизни были прорисованы в памяти настолько четко, что сейчас было трудно понять, кто он на самом деле. Возможно, из-за того, что современный опыт длился двадцать шесть лет против двенадцати местных, возникла иллюзия доминирования «той» личности. Но если вдуматься, он вполне мог быть коренным жителем этого времени.

Впрочем, сейчас эти философские споры с самим собой были бесполезны. Кем бы он ни был раньше, теперь обе памяти слились в одном теле. И как ни крути, ему нужно было выживать здесь и сейчас.

Для начала стоило разобраться в местном мироустройстве.

Это была эпоха династии Великая Ся — вымышленное государство, где мир принадлежал мужчинам. Вот только мужчины здесь делились на два типа: «ханьцзы» (обычные мужчины) и «гэры». Внешне гэры выглядели как мужчины, но могли вынашивать и рожать детей. Главным их отличием была крошечная «родинка плодовитости» на лбу. В плане экономики и политики этот мир больше всего напоминал эпоху Сун, которую Е Цзюньшу помнил из учебников истории.

Сам же он находился в глухой деревушке под названием Ецзяцунь, что затерялась где-то в уезде Фэнчэн провинции Юнчжоу.

Ецзяцунь хоть и считалась деревней рода Е, но со временем здесь осело много беженцев и людей с другими фамилиями. К нынешнему моменту «чужаков» стало даже больше, чем коренных жителей, но поскольку старостой неизменно выбирали кого-то из рода Е, их авторитет в деревне оставался непререкаемым.

У деда Е Цзюньшу в жилах не текло ни капли крови Е. Пятый прадед рода Е когда-то привез его издалека и усыновил. Но раз имя внесли в родословную книгу, он стал полноправным жителем деревни.

Отец Е Цзюньшу полностью унаследовал дедовскую хватку. Повзрослев, он несколько лет успешно занимался торговлей, а вернувшись, отгрохал в деревне просторный кирпичный дом с двумя дворами, чем наделал немало шума. Вскоре он взял в мужья красавца-гэра. Жили они душа в душу, на зависть всем соседям.

Через год родился Е Цзюньшу. Роды дались ему тяжело, здоровье пошатнулось, и только через несколько лет на свет появился второй сын — Е Цзюньшань. Отец, видя, как слаб его супруг, не хотел больше детей, но в деревнях верят: чем больше детей, тем больше счастья.

В свое время най-най (бабушка по отцу) родил деду только одного сына, и на них годами тыкали пальцем. Отец на своей шкуре ощутил, каково это — расти без братьев, когда не на кого опереться и не с кем разделить беду. Аму же всем сердцем хотел продолжить род мужа, поэтому настоял на третьем и четвертом ребенке — так появились Лу-гэр и Цинь-гэр.

Пятый и Шестой стали полной неожиданностью. Аму уже не планировал детей, к тому же старшему сыну исполнилось десять, а самому аму было под тридцать — по местным меркам возраст для родов почти критический. Но когда поняли, что дело неладно, в животе уже кто-то поселился.

В те времена избавиться от плода было опаснее, чем родить. Родители, стиснув зубы, решили рожать. Кто же знал, что будет двойня? Из-за случайного падения начались преждевременные роды. На первого ребенка сил хватило, а второй шел тяжело — аму пришлось буквально выгрызть его жизнь, жуя пластинки женьшеня для бодрости.

Сразу после родов началось кровотечение. Аму несколько раз оказывался на грани жизни и смерти. Его вытащили, но он стал настолько слаб, что не мог даже подняться с кровати. Жизнь в нем едва теплилась лишь благодаря дорогим лекарствам, на которые отец спустил почти всё семейное состояние.

Аму продержался несколько месяцев, но в итоге ушел, оставив мужа и детей. Отец, не выдержав горя, спустя два месяца потерял бдительность: ушел по делам, оступился на горном склоне и разбился.

Так в один миг идеальная семья развалилась, оставив в этом мире лишь кучку растерянных детей.

Е Цзюньшу «пришел» сюда как раз тогда, когда на последние гроши были похоронены родители, а Лу-гэр слег с тяжелой лихорадкой. Лекарь Сун, пожалев сирот, лечил мальчика бесплатно. В древние времена обычная простуда могла обернуться трагедией, а тут болезнь наступала агрессивно. «Прежний» Е Цзюньшу был в полном отчаянии — он боялся даже моргнуть, чтобы не потерять брата.

Именно в этот момент пришел Мин-аму с соседями, предлагая отдать близнецов. В их ситуации

прокормить двоих младенцев, когда на руках еще и тяжелобольной ребенок, казалось невозможным. Если бы не нынешний Е Цзюньшу, «оригинальный» мальчик, скорее всего, согласился бы, чтобы спасти остальных. Одиннадцатилетний подросток, у которого за душой только пустой дом, просто не вытянул бы такую ношу.

Но человек с современной памятью не мог так поступить. Е Цзюньшу чувствовал к этим детям такую же привязанность, как и его предшественник. В прошлой жизни он был единственным ребенком и всегда завидовал друзьям, у которых были братья или сестры. Теперь его мечта сбылась... правда, братьев оказалось сразу пятеро.

«Ничего, я же взрослый мужчина, хоть и в теле ребенка. Неужели не покормлю их?» — подумал он с легкой улыбкой. Условия суровые, дом пуст, но безвыходных ситуаций не бывает.

Первым делом нужно было заняться собой. Повозившись полдня с мелкими, он почувствовал, как ломит спину и гудят руки. Тело было слабым. Понятно: Е Цзюньшу никогда не занимался тяжелым трудом, ему даже на кухню его не пускал. С шести лет его отправили учиться, в десять он уже сдал первый экзамен. Последние два года из-за семейных бед он не ходил в школу, помогая отцу по дому и присматривая за младшими.

Разминая запястья, он прикинул план на будущее. Учеба? Нет, сейчас на это нет ни денег, ни времени. Фермерство? Ни в одной из двух жизней он не учился копать в земле. К тому же почти все семейные поля были проданы, осталось только два клочка под огород. Птица? Можно, но понемногу — от большого поголовья в доме с детьми только грязь и болезни.

Главный вопрос: где достать деньги? Торговля? Нет стартового капитала. К тому же он не знал местных «правил игры» на рынке. Да и торговцы здесь — низшее сословие, такая карьера не на перспективу. Главное — он не мог оставить малышей одних ради долгого бизнеса.

Нужен был способ заработка, который не отнимал бы кучу времени. Е Цзюньшу посмотрел на горы, что начинались всего в сотне метров от дома. Леса там тянулись до горизонта, и дичи было полно. Деревенские обычно ходили только по краю — за грибами и ягодами, а вглубь совались только опытные охотники.

«Если буду осторожен, справлюсь, — решил он. — В детстве мы с друзьями ставили силки, навыки должны были остаться. К тому же из-за болезни ему я научился разбираться в дорогах лекарственных трав. Если найду в лесу хоть немного дикого женьшеня или редких кореньев, вопрос с деньгами решится».

От этих мыслей на душе стало легче. Он уже собирался идти спать, как вдруг со двора донеслось знакомое:

— Чжоу-цзы, Чжоу-цзы!..

Голос принадлежал Мин-аму. Е Цзюньшу поспешил к воротам.

— Мин-аму! Проходите, пожалуйста.

— Чжоу-цзы, а я уж думал, ты спишь! — Мин-аму бодро улыбнулся и протянул корзинку. — Вот, насобирал яиц. Всего двенадцать штук, но ты не экономь — вари малым кашу с яйцом или просто делай яичницу. Детям нужно восстанавливать силы после такой беды.

— Как же так... мне неудобно это брать, — Е Цзюньшу был тронут. В деревне яйца — это почти валюта, их обычно копят, чтобы продать в городе и купить что-то в дом.

— Бери, кому говорят! — прикрикнул Мин-аму, буквально впихивая корзину. — Пока перебьетесь этим, а там что-нибудь придумаем...

Посмотрев на дом, полный сирот, он снова тяжело вздохнул. Е Цзюньшу не стал больше спорить. Он очень серьезно поклонился:

— Мин-аму, спасибо вам огромное за всё, что вы для нас делаете.

Тот быстро отступил, не принимая официального поклона:

— Ну что ты, ребенок, к чему эти церемонии? Наши семьи всегда дружили, помочь в такой ситуации — дело естественное.

Е Цзюньшу улыбнулся. Когда отец умер, именно Мин-аму помогал со всеми хлопотами, а когда дом опустел — подкармливал их вместе с другими добрыми соседями. Эту доброту Е Цзюньшу твердо решил вернуть сторицей.

— Кстати, насчет нашего дневного разговора... Ты подумал?

— Мин-аму...

— Я знаю, что тебе больно об этом даже слышать. Но ты подумай еще раз. Ты ведь сам совсем ребенок, а на плечах — такая орава. Эту ношу и взрослому-то не всегда под силу вытянуть. Пятым и Шестой еще крохи, они ничего не запомнят. Желающих взять их много, и если мы подберем действительно хорошую семью, для них это станет спасением. Им не придется так страдать и голодать.

— Мин-аму, я понимаю, почему вы это говорите. Но Пятым и Шестой достались моему аму ценой жизни. Я не смогу их отдать. Даю вам слово: я сделаю всё, что в моих силах, чтобы вырастить их. Они не будут ни страдать, ни голодать.

«Свои дети должны быть рядом», — думал Е Цзюньшу. Сколько бы люди ни твердили, что в чужом доме им будет лучше, как можно быть в этом уверенным? Пока сам не присмотришь, всегда будет грызть страх: а вдруг их там обижают, пока никто не видит?

Это был окончательный отказ. Мин-аму хотел было поспорить, но, взглянув на решительное лицо мальчика, понял — тот не отступит. Он лишь тяжело вздохнул. В глубине души ему и самому не хотелось разлучать братьев.

Глядя на Е Цзюньшу, Мин-аму казалось, что тот повзрослел буквально за одну ночь. Если бы не детские черты лица и невысокий рост, можно было подумать, что перед ним стоит взрослый мужчина и дает твердое мужское обещание. От этого сердце Мин-аму сжалось еще сильнее — ему было до слез жаль этого ребенка.

Как же этот мальчишка собирается в одиночку удержать над ними небо?